

Михаил Матвеевич Херасков

Россиада
Эпическая поэма

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84
М69

М69 **Михаил Матвеевич Херасков**
Россиада: Эпическая поэма / Михаил Матвеевич Херасков – М.: Книга по Требованию, 2013. – 212 с.

ISBN 978-5-4241-0678-1

Воспроизведено в оригинальной авторской орфографии по изданию 1807 года (Москва, Вольная типография Пономарёва)

ISBN 978-5-4241-0678-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДИСЛОВІЕ.

Россійское государство въ самыя отдаленныя времена, которыя намъ древніе Историки извѣстными учинили, было сильно, сосѣдамъ страшно, многими народами уважаемо; оно ни единой Европейской державѣ славою, силою, изобиліемъ и побѣдами, по тогдашнему государствѣ состоянію, не уступало; а пространствомъ своимъ все прочія какъ и нынѣ, превосходило. Но послѣ великаго Князя ВЛАДИМИРА разторженіе Россіи на разныя доли, удѣльныя княжества, междоусобія, неуройства и властолюбіе размножившихся Князей, время от времени силы ея истощать начинали; а наконецъ бѣдственному игу хищныхъ Ордъ поработили. Съ того времени угасла прежняя Россійская слава, и въ цѣломъ мірѣ едва извѣстною учинилась; она подъ своими развалинами въ забвеніи близъ трехъ вѣковъ лежала. Сіе жалостное и позорное состояніе, въ которое Россію набѣги Татаръ и самовластіе ихъ погрузило; отторженіе многихъ княжествъ, прочими сосѣдами у ней похищенныхъ; неспокойство внутреннихъ ея мятежниковъ, вовсе изнуряющихъ свое отечество; сіе состояніе къ совершенному паденію ея наклонило. Зло сіе простерлось до временъ Царя ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА Перваго, вдругъ возбудившаго Россію, уготовавшаго оную къ самодержавному правленію, смѣло и бодро свергшаго иго Царей Ордынскихъ, и возставившаго спокойство въ нѣдрахъ своего государства. Но царство Казанское при немъ еще не было разрушено; Новгородцы еще не все укрощены были; сосѣдственныя державы должнаго уваженія къ Россіи еще не ощутили. Сія великая перемѣна, въ какую сіе государство перешло изъ слабости въ силу, изъ уничиженія въ славу, изъ порабожденія въ господство; сія важная и крутая перемѣна произошла при внуцѣ Царскомъ ІОАННѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ Второмъ, который есть Герой сія Поэмы.

И такъ не должно ли царствование ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА Втораго поставять среднюю чертою, до которой Россія, бѣдственнаго состоянія достигнувъ, паки начала оживотворяться, возрастать и возвращать прежнюю славу, близъ трехъ вѣковъ ею утраченную? Когда вообразимъ въ мысляхъ нашихъ государство, совсѣмъ разстроенное, отъ сосѣдственныхъ державъ угнетенное, внутренними безпокойствами раздираемое, несогласіемъ многоначальства волнуемое, иновѣрцами поработенное, собственными вельможами разхищаемое; когда все сіе вообразимъ, и представимъ себѣ младаго Государя, самодержавную власть приѣмлющаго, сильныхъ и страшныхъ непріятелей державы своей попирающаго, многоначальство обуздывающаго, мятежниковъ и въ нѣдрахъ отечества усмирившаго, отторженные соседями грады возвращающаго, и цѣлыя государства своему скипетру присовокупившаго; несогласіе и гордость бояръ укротившаго, благоразумные законы подающаго, воинство въ лучший порядокъ приводящаго: не почувствуемъ ли уваженія толь великаго духа къ Государю? Таковъ былъ Царь ІОАННЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ!

Иностранные писатели, сложившіе нелѣпыя басни о его суровости, при всемъ томъ по многимъ знаменитымъ его дѣламъ великимъ мужемъ нарицають. Самъ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ за честь поставлялъ въ мудрыхъ предпріятіяхъ сему Государю послѣдовать. Исторія затмѣваетъ сіяніе его славы нѣкоторыми ужасными повѣствованіями, до пылкаго нрава его относящимися: вѣрить ли толь несвойственнымъ великому духу повѣствованіямъ, оставляю Историкамъ на размышленіе. Впрочемъ безмѣрныя Царскія строгости, по которымъ онъ Грознымъ поименованъ, ни до намѣренія моего, ни до времени, содержащемъ въ себѣ цѣлый кругъ моего сочиненія, вовсе не касаются.

Воспѣвая разрушеніе Казанскаго царства, со властію державцевъ Ордынскихъ, я имѣлъ въ виду успокоеніе, славу и благосостояніе всего Россійскаго государства; знаменитые подвиги не только одного Государя, но всего Россійскаго воинства; и возвращенное благоденствіе: по чему сіе твореніе и Россіадою названо. Представляю младаго Монарха, лаврами учѣнчаннаго; сего Монарха, о которомъ и Г. Ломоносовъ въ краткой Россійской Лѣтописи утверждаетъ, что сей Царь уже по смерти первой своей супруги

Грознымъ учинился, и что неустройства Боярь, на подобіе крутой бури, нравы его возмутили; чему должно было приключиться гораздо послѣ взятія Казани. Прославляю совокупно съ Царемъ вѣрность и любовь къ отечеству служившихъ ему Князей, вельможей и всего Россійскаго воинства. Важно ли сіе приключеніе въ Россійской исторіи? Истинные сыны отечества, обозрѣвъ умомъ бѣдственное тогдашнее Россіи состояніе, сами почувствовать могутъ, достойно ли оно Епопеи; а моя Поэма сіе оправдать обязана.

Издавая въ свѣтъ сей осьмилѣтній мой труд, нынѣ въ третій разъ исправленный и во многихъ мѣстахъ дополненный, чувствую несовершенствы и недостатки онаго, въ сравненіи съ другими эпическими Поэмами. Слабо сіе сочиненіе, но оно есть первое на нашемъ языкѣ; а сіе самое и заслуживаетъ нѣкоторое извиненіе Писателю.

Повѣствовательное сіе твореніе разположилъ я на Исторической истиннѣ, сколько могъ сыскать печатныхъ и письменныхъ извѣстій, къ моему намѣренію принадлежащихъ; присовокупилъ къ тому небольшіе анекдоты, доставленные мнѣ изъ Казани бывшимъ начальникомъ Университетскихъ Гимназій въ 1770 году. Но да памятують мои Читатели, что какъ въ Эпической Поэмѣ вѣрности исторической, такъ въ дѣписаніяхъ Поэмы искать не должно. Многое отметалъ я, переносилъ изъ одного времени въ другое, изобрѣталъ, украшалъ, творилъ и созидалъ. Успѣлъ ли я въ предпріятіи моемъ, о томъ не мнѣ судить; но то неоспоримо, что Эпическія Поэмы, имѣющія въ виду своемъ иногда особливья намѣренія, обыкновенно по таковымъ, какъ сія, правиламъ сочиняются.

ВЗГЛЯДЪ НА ЭПИЧЕСКІЯ ПОЭМЫ.

Въ *Иліадѣ* Гомеръ воспѣваетъ гнѣвъ Ахиллесовъ, за похищеніе его невольницы Бризеиды Царемъ Агамемнономъ, гнѣвъ толико бѣдственный Грекамъ и Пергаму; кровавыя битвы, пагубу осаждающихъ и пагубу осажденныхъ Троянъ. — Патроклъ, другъ Ахиллесовъ, убитъ Гекторомъ — онъ мститъ за своего друга — убиваетъ храбраго Гектора, и темъ Поэма оканчивается.

Въ *Одиссее* воспѣто десятилѣтнее странствованіе Итакскаго Царя Улисса; возвращеніе его въ домъ свой и страшное избиеніе любовниковъ Пенелопиныхъ, которое *Мнистерофоніей* наречено.

Виргилій въ несравненной *Энеидѣ* воспѣлъ побѣгъ Энеевъ изъ разоренной Греками Трои, прибытіе его въ Карфагену, любовь его с Дидоною, невѣрность его къ сей несчастной Царицѣ — Другой побѣгъ его въ Италію, гдѣ убитъ Турна, сопрягается онъ с Лавинією, невѣстою сего почтеннаго Князя.

Въ *Погубленномъ раѣ* важный Мильтонъ повѣствуетъ паденіе перваго человѣка, вкушеніе запрещеннаго плода, торжество діавола, изгнаніе Адама и Эвы изъ рая за ихъ непослушаніе, и причину злоуполучія всего человѣческаго рода.

Волтеръ начинаетъ свою *Генріяду* убіеніемъ Генриха III, а оканчиваетъ обращеніемъ Генриха IV изъ одной Религіи въ другую — но прекрасные стихи его все дѣлають обворожительнымъ.

Армида въ Тассовомъ *Іерусалимѣ*, прекрасная волшебница; Армида, есть душа сей неоцѣненной Поэмы; ея хитрости, коварства, ея островъ, ея нѣжности, ея самая свирѣпость по отбытіи Ренода, возхитительны — но не суть назидательны.

Пробѣжимъ *Лузіяду Камуенсову* и *Фарзалию Луканову*. — Первая есть странствованіе Лузитанцовъ въ Африку, обрѣтеніе нѣкоторыхъ новыхъ земель — сказанія и чудесности. Вся сія Поэма есть піитическое повѣствованіе, въ коемъ и самъ Поэтъ имѣлъ участіе. Но повѣствованіе, живою кистію писанное, сладостное, привлекательное; это есть галерея преизящныхъ картинъ, непорядочно разставленныхъ, но каждая изъ нихъ восхищаетъ, трогаетъ, удивляетъ, и въ память врѣзывается.

Фарзалию многіе нарицають Газетами, пышнымъ слогомъ воспѣтыми; но сіи Газеты преисполнены высокими мыслями, одушевленными картинами, поразительными описаніями и сильными выраженіями; въ ней воспѣта война Юлія съ Помпеемъ; при всемъ томъ Поэма не dokonчана Пѣвцомъ своимъ, и не была исправлена.

Для тѣхъ сіе пишу, которые думаютъ, будто Эпическая Поэма похвальною пѣснію быть должна. Эпическая Поэма заключаетъ какое нибудь важное, достопамятное, знаменитое приключеніе въ бытіяхъ міра случившееся, и которое имѣло слѣдствиемъ важную перемѣну относящуюся до всего человѣческаго рода — таковъ есть *Погубленный рай* Мильтоновъ; или воспѣваетъ случай, въ какомъ нибудь Государствѣ происшедшій и цѣлому народу къ славѣ, къ успокоенію, или наконецъ ко преобразенію его послужившій — такова должна быть Поэма ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ, которую по моему мнѣнію писать еще не время. Два великіе Духа принимались пѣть ПЕТРА ВЕЛИКАГО, Г. Ломоносовъ и Томасъ; оба начали — оба не кончили. —

Къ такому роду Поэмъ должно *Генріяду* Волтерову — и мою *Россіяду*, не сравнивая однако слабое мое твореніе съ превосходною Эпопеею Волтеровою. — Горе тому Россіянину, который не почувствуетъ, сколь важную пользу, сколь сладкую тишину, и сколь великую славу пріобрѣло наше отечество отъ разрушенія Казанскаго царства! Надобно перейти мыслями въ тѣ страшныя времена, когда Россія поработчена была Татарскому игу — надобно вообразить набѣги и наглости Ордынцовъ, внутрь

нашего государства чинимые — представить себѣ Князей Россійскихъ раболѣпствующихъ и зависящихъ отъ гордаго или уничижительнаго самовластія Царей Казанскихъ — видѣть правителей Татарскихъ не только по городамъ, но и по всѣмъ селамъ учрежденныхъ, и даже кумировъ своихъ въ самую Москву присылающихъ, для поклоненія имъ Князей обладающихъ — надобно прочесть внимательно всю исторію страданія нашего отечества, во время его порабоженія Ордынцамъ — и вдругъ вообразить Россію надъ врагами своими торжествующую, яго мучителей своихъ свергшую, отечество наше побѣдоносными лаврами увѣнчанное — и младаго Государя, прежнимъ своимъ законодателямъ кроткіе законы предписующаго. —

Читатель! ежели, преходя всѣ сіи бѣдства нашего отечества, сердце твое кровію не обливается, духъ твой не возмутится и наконецъ въ сладостный восторгъ не придетъ — не читай мою Россіяду — она не для тебя писана — писана она для людей умѣющихъ чувствовать, любить свою отчизну, и дивиться знаменитымъ подвигамъ своихъ предковъ, безопасность и спокойство своему потомству доставившихъ.

Знаю, что моя Поэма далеко отстоитъ отъ Эпическихъ Поэмъ въ мірѣ извѣстныхъ; знаю, что въ ней есть немалыя погрѣшности, слабости, несовершенства; что многое въ ней подвержено благоразумной критикѣ, но не плеведамъ головъ поврежденныхъ — но кто изъ Писателей избѣжалъ критики? и кто написалъ совершенное твореніе въ мірѣ?

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

- Пою отъ варваровъ Россію свободенну,
Попранну власть Татаръ и гордость низложенну;
Движеніе древнихъ силъ, труды, кроваву брань,
Россіи торжество, поверженну Казань.
- 5 Изъ круга сихъ времянь спокойныхъ лѣтъ начало,
Какъ свѣтлая заря въ Россіи возсіяло.
- О ты, витающій превыше свѣтлыхъ звѣздъ,
Стихотворенія духъ! приди отъ горнихъ мѣстъ,
На слабое мое и темное твореніе
- 10 Пролей твои лучи, искусство, озареніе!
- Отверзи, Вѣчность! мнѣ, селеній тѣхъ врата,
Гдѣ вся отвержена земная суета;
Гдѣ души праведныхъ награду обрѣтаютъ;
Гдѣ славу, гдѣ вѣнцы тщетою почитаютъ,
- 15 Передъ усыпаннымъ звѣздами олтаремъ,
Гдѣ рядомъ предстоитъ послѣдній рабъ съ Царемъ;
Гдѣ бѣдный нищету, несчастный скорбь забудеть;
Гдѣ каждый человѣкъ другому равень будетъ.
- Откройся вѣчность мнѣ, да лирою моею
- 20 Вниманіе привлеку народовъ и Царей.
Завѣса поднялась! Сіяютъ предъ очами
Герои, свѣтлыми увѣнчанны лучами.
Отъ нихъ кровавая Казанская луна
Низвергнута во мракъ и славы лишена.
- 25 О вы, ликующи теперь въ мѣстахъ небесныхъ!
Во прежнихъ видахъ мнѣ явитесь тѣлесныхъ.
- Еще восточную Россію древней часть
Заволжскихъ наглыхъ Ордъ обременяла власть;
На нашихъ плѣнникахъ гремѣли тамъ оковы,
- 30 Кипѣли мятежи, росли злодѣйства новы;
Простерся блѣдный страхъ по селамъ и градамъ;
Летало зло за зломъ, бѣды во слѣдъ бѣдамъ;
Куреній олтари во храмахъ не имѣли,
Умолкло пѣніе, лишь бури тамъ шумѣли;
- 35 Безъ дѣйства въ полѣ плугъ подъ тернами лежалъ,
И пастырь въ темный лѣсъ отъ стада убѣжалъ.

- Когда свѣтило дня къ полунощи взидало,
Стенящу, страждущу Россію обрѣтало.
Въ ея объятіяхъ рожденная Казань
40 Изъ томныхъ рукъ ея брала позорну дань.
Сей градъ, Россійскими врагами соруженный,
На полночь гордою горою возвышенный,
Поднявъ главу свою, при двухъ рѣкахъ стоитъ,
Отколѣ на берега шумящей Волги зритъ.
45 Подъ тѣнію лѣсовъ, межъ пестрыми цвѣтами
Поставленъ Батыемъ ко сѣверу вратами,
Черезъ кои въ сердце онъ Россіи выбѣгалъ,
Селенья пустошилъ и грады пожигалъ.
Съ вершины видя горъ убійства и пожары,
50 Гдѣ жили древніе Россійскіе Болгары,
Разженны вѣрою къ закону своему;
Казань, поверженна въ Махометанску тму,
Въ слезахъ на синій дымъ, на заревы взидала,
И руки чрезъ поля въ Россію простирала;
55 Просила помощи и свѣта отъ Князей,
Когда злочестіе простерло мраки въ ней.
Подвигнуты къ странамъ природнымъ сожалѣньемъ,
Народа своего бѣдами и томленьемъ,
На части полночь всю разторгшіе Князья,
60 Смиряли наглыхъ Ордъ, во браняхъ кровь лія.

- Но какъ Россійскіе Ираклы ни сражались,
Главы у гидры злой всечасно вновь раждались,
И жалы отростивъ въ глухихъ мѣстахъ свои,
Вползали паки въ грудь Россіи тѣ зміи.
65 Драконова глава лежала сокрушенна,
Но древня злоба въ немъ была не потушенна;
Подъ пепломъ крылся огонь и часто возгаралъ,
Во смутны Россовъ дни онъ силы собиралъ;
Неукротимыхъ Ордъ воскресла власть попоранна,
70 Во время юности втораго Іоанна.
Сей дѣда храбраго вѣнчанный славой внукъ
Едва не выпустилъ Казань изъ слабыхъ рукъ;
Смутился духъ его несчастливимъ походомъ,
Гдѣ онъ начальствовалъ въ войнѣ прошедшимъ годомъ;
75 Гдѣ самъ Борей воздвигъ противу Россовъ брань,
Крилами мерзлыми отъ нихъ закрывъ Казань;
Онъ мрачной тучею и бурями увился,
Подобенъ грозному страшилищу явился,
Въ глухой степи ревѣлъ, въ лѣсу дремучемъ вылъ,
80 Крутился между горъ, онъ рвалъ, шумѣлъ, валилъ,
И Волжскія струи на тучны двинувъ бреги,
Подулъ изъ хладныхъ устъ морозы, вихрь и снѣги;
Ихъ пламенная кровь не стала Россовъ грѣть,

Дабы въ наставшій годъ жарчае воскипѣть.

- 85 Въ то время юный Царь въ столицу уклонился,
Гдѣ вмѣсто гласа трубъ забавами плѣнился.
О ты, на небесахъ живущій въ тишинѣ!
Прости великій Царь мою отважность мнѣ,
Что утро дней твоихъ во тмѣ дерзну представить,
90 Пресвѣтлый полдень твой громчае буду славить;
Великъ, что бурю ты вокругъ царства укротилъ,
Но больше, что страстямъ душевнымъ воспретилъ.

- Увидѣвъ, что Москва оставивъ мечъ уснула,
Трепещуща луна изъ облакъ проглянула;
95 Храняща ненависть недремлющи глаза,
Отъ Волги поднялась какъ страшная гроза;
Орда, нарушивъ миръ, оковы разрывала,
И злобой движима, мутилась, бунтовала,
И стала воздымать главу и рамена,
100 Россію утѣснить, какъ въ прежни времена.
Сей страшный исполинъ въ Россійски грады входитъ,
Убійства, грабежи, насильства производитъ;
Рукою мечъ несетъ, другой звучащу цѣпь,
Валятся стѣны вокругъ, томится лѣсъ и степь.
105 Уже велѣніемъ коварныя Сумбеки,
Въ Казанѣ полились Россійской крови рѣки;
И пламенникъ нося неукротимо зло,
Посады въ ярости Московскіе пожгло;
Въ жилища Христіянъ съ кинжаломъ казнь вступила,
110 И кровь страдальческа на небо возопила;
Тамъ плачь, уныніе, сиротствующихъ стонъ;
Но ихъ отечество сей вопль вмѣняло въ сонъ.

- Алчба, прикована корыстей къ колесницѣ,
Въ Россійской сѣяла страданіе столицѣ.
115 О благѣ собственномъ вельможи гдѣ рачать,
Тамъ чувства жалости надолго замолчать.
Москва, разимая погибелію внѣшней,
Отъ скорбей внутреннихъ явилась безутѣшной.

- Сокрылась истинна на время отъ Царя;
120 Лукавство, честь поправъ, на собственность воззря,
Въ лицѣ усердія въ чертогахъ появилось,
Вошло, и день отъ дня сильнѣе становилось.

- Тамъ лесь представилась въ притворной красотѣ,
Котора во своей природной наготѣ
125 Мрачна какъ ночь, робка, покорна, тороплива,
Предъ сильными низка, предъ низкимъ горделива,
Лежащая у ногъ владѣтелей земныхъ,
Дабы служить имъ ко преткновенью ихъ.

- Сія природну желчь преобративъ во сладость,
130 Въ забавы вовлекла неосторожну младость;
Вельможи, выгодѣ ревнующи своей,
Соединилися къ стыду державы съ ней;
И лесть надежныя подпоры получила,
Отъ Царскаго лица невинность отлучила.
135 Гонима истинна стрѣлами клеветы,
Что дѣлала тогда? Въ пещеры скрылась ты!
- Во смутны времена еще вельможи были,
Которы искренно отечество любили;
Соблазны щастія они пренебрегли,
140 При явной гибели не плакать не могли;
Священнымъ двинуты и долгомъ и закономъ,
Стенать и сѣтовать дерзали передъ трономъ;
Пороковъ торжество, попоранну правду зря,
Отъ лести ограждать осмѣлились Царя.
145 Вельможи въ сѣдинахъ Монарха окружають,
Ихъ слезы общую напасть изображаютъ;
Потупленны главы, ихъ взоры, ихъ сердца,
Казалось, туманъ простерли вкругъ вѣнца;
На смутныхъ ихъ челахъ сіяетъ добродѣтель,
150 Въ которыхъ свой позоръ прочесть бы могъ владѣтель.
Духъ бодрости въ тебѣ, вѣщаютъ, воздремалъ!
Но Царь, то зная самъ, ихъ плачу не внималъ.

- Унылъ престольный градъ, Москва главу склонила,
Печаль ея лице, какъ ночь пріосѣнила;
155 Вселилась въ сердце грусть и жалоба въ уста,
Тоскуютъ вкругъ нея прекрасныя мѣста;
Унынье, разтрепавъ власы, по граду ходитъ;
Потупивъ очи внизъ, въ отчаянье приводитъ,
Біетъ себя во грудь, рѣками слезы льетъ;
160 На стогнахъ торжества, въ домахъ отрады нѣтъ;
Въ дубравахъ стонъ и плачь, печаль въ долинахъ злачныхъ;
Во градѣ скопища, не слышно пѣсней брачныхъ;
Все въ ризу облеклось тоски и сиротства,
Единый слышенъ вопль во храмахъ Божества.
165 Грызюмая внутри болѣзнью всеминутной,
Казалася Москва водѣ подобна мутной,
Которая, лишася движенія и прохладъ,
Тускнѣетъ, портится и зараждаетъ ядъ.
Народъ отчаянный, гонимый, утомленный,
170 Какъ будто въ Этнѣ огонь внезапно возпаленный,
Лѣсистые холмы, густыя деревья,
Съ поверхности горы бросаетъ въ небеса,
Народъ возволновалъ! Тогда при буйствѣ яромъ,
Отъ искры наглый бунтъ великимъ сталъ пожаромъ;